

**ВОПРОСЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ДИАЛОГОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ**

УДК 821.161.1+821.512.145

**ТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ М.Н. МУРАВЬЁВА И Р. ФАХРЕТДИНОВА**

А.Ф. Галимуллина, Ф.Г. Галимуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

С древнейших времён до наших дней в русской и татарской литературах активно разрабатывается тема воспитания и образования. Особенно большое внимание ей уделяли писатели XVIII – начала XX в., что связано прежде всего с распространением просветительской идеологии в России. Соответствующие идеи наиболее активно в русской литературе пропагандировались в XVIII в., а в татарской – на рубеже XIX – XX вв. Авторы убеждены, что единство тематики философских, педагогических и художественных произведений, написанных русскими и татарскими писателями-просветителями, которые относятся к разным народам, эпохам и литературным направлениям, позволяет выявить случаи типологического сходства и различия в её осмыслении. В связи с этим в статье наглядно представлено воплощение темы воспитания и образования в творчестве русского писателя-сентименталиста и общественного деятеля Михаила Никитича Муравьёва (1757–1807) и татарского педагога, историка и писателя-просветителя Риззэтдина Фахретдинова (1859–1936), наследие которых до сих пор остаётся неизвестным широкому кругу читателей. В заключение делается вывод о том, что и русского, и татарского писателей, несмотря на временную отдалённость и прочие факторы, объединяет идея внесловной ценности человека, постановка вопроса о необходимости самосовершенствования, культ чтения и образования, однако если М.Н. Муравьёв, предтеча предромантизма, мыслит исходя из идей государственности, опираясь на опыт воспитания царской семьи, то Р. Фахретдинов – на уровне духовно-нравственного и религиозного воспитания татарского народа, взаимоотношений внутри национальной семьи.

Ключевые слова: М.Н. Муравьёв, Р. Фахретдинов, образование, воспитание, просветительская литература, русская литература XVIII в., татарская литература конца XIX – начала XX в.

Образование народа, идейно-нравственное и эстетическое формирование личности в обществе и государстве являются одними из важнейших тем в России XVIII – начала XX в. Они нашли отражение и в русской, и в татарской

литературе. Такое единство тематики позволяет выявить случаи типологического сходства и различия в осмыслении русскими и татарскими писателями-просветителями, относящимися к разным эпохам и литературным направлениям.

В настоящей статье мы рассмотрим воплощение темы воспитания и образования в учебно-дидактических и художественных произведениях М.Н. Муравьёва, русского писателя и общественного деятеля XVIII в., и Р. Фахретдинова, татарского педагога, историка и писателя конца XIX – начала XX в.

Прежде всего следует отметить, что творческое наследие М.Н. Муравьёва и Р. Фахретдинова объединяет идея внесловной ценности человека, постановка вопроса о необходимости самосовершенствования, культ чтения и образования. В связи с временной отдалённостью и неизвестностью широкому кругу татарских читателей произведений М.Н. Муравьёва следует снять вопрос о влиянии русского писателя на формирование просветительских взглядов татарского писателя конца XIX – начала XX в.

В то же время нельзя не сказать, что, будучи религиозным (мусульманским) деятелем, Р. Фахретдинов, несмотря на запреты отца, выучил русский язык, чтобы иметь объективные знания о мире. Более того, в необходимом объёме русскому языку обучил своих детей. Как сообщает он в автобиографии, отец боялся, что это отлучит его от веры (ФБ, с. 95). «Эти мои слова, да хранит меня Аллах, – пишет он, – нельзя понимать, как противоречие моему отцу. Если бы он знал тогда, как изменится мир и как в будущем мне будет необходим русский язык, то не только разрешил бы мне немного выучить язык, но и способствовал бы обучению в реальном училище, гимназии или университете» (ФБ, с. 95). Продолжая свою мысль рассуждением о вере, Р. Фахретдинов отмечает, что «не раз приходилось наблюдать, как люди, получившие русское образование, читали со всеми вместе намаз, в то время как татарские купцы, не знавшие русского, уклонялись от намаза, якобы не успевши совершить омовение. Всякое действие зависит от намерения» (ФБ, с. 95).

Я.Г. Абдуллин, А.Н. Юзеев, М.В. Гайнутдинов в исследованиях, посвящённых татарской просветительской философии, сходятся во мнении, что соответствующее движение XIX – XX вв. (*джадидизм*) стремилось добиться духовного возрождения татарского народа, приобщения его к достижениям как русской, так и мировой науки и культуры [1–3]. Для татарских педагогов, писателей, общественных и религиозных деятелей философия эпохи Просвещения служила целью для обоснования социально-этических и культурно-образовательных программ, выражавших потребности самосознания татар в период формирования собственно нации.

В подходе к проблеме отношения к русскому народу, его культуре и языку проявилась одна из особенностей татарского просветительства, которое объективно было направлено против русификаторской политики, против национального угнетения, так как эта политика наряду с религиозным фанатизмом сдерживала культурное развитие нации и просвещение масс. При этом татары не противопоставлялись русским, наоборот, джадидисты выступали за сближение, пропагандировали необходимость изучения татарами культуры и языка русского народа, видя в этом верный путь к прогрессу. Через критическое переосмысление опыта европейских стран осознавалась необходимость энциклопедических

знаний для развития своей литературы. Знакомство с иноземным осуществлялось через произведения, написанные на русском и турецком языках. К началу XX в. в татарской среде возросло число молодых людей, которые обучались за рубежом. Как отмечает И. Рами, десятки татар получили образование в Париже, Женеве, Льеже, Лейпциге, Фрайбурге, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Вальпараисо и Токио [4, б. 136]. В татарской периодической печати публиковались списки европейских писателей и философов, знать которых, как сообщалось, должен каждый образованный татарин. В их число входили и Локк, Кант, Гегель, Декарт, Мольер, Корнель, Расин, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо [5, с. 4].

Наиболее разработанной в татарском литературоведении является тема «Ж.-Ж. Руссо и татарская литература начала XX века», осмысление которой представлено в одноимённой главе монографии Э.Г. Нигматуллина «Раздвигая века и границы» (см. [5, с. 9–23]), а кроме того, в ряде диссертационных исследований, направленных на выявление руссоистических традиций в творчестве отдельных татарских писателей начала XX в., например Г. Ибрагимова (см. работу Р.А. Мингазовой [6]).

Хотя в татарской литературе первые упоминания о Ж.-Ж. Руссо встречаются в конце XIX в., концепция «естественного человека» была присуща ей начиная с произведений средневековых авторов. Так, М. Булгари, С. Сарай, Х. Кятиб, М. Мухамадьяр, а позже – Г. Утыз Имяни, Т. Ялчигул, А. Каргалый, Г. Кандалый, Ш. Заки, Г. Чокрый, М. Акмулла, И. Кутб, Х.С. Салихов раскрывают мотивы бегства в природу, прославляют естественность в поведении героев, провозглашая культ любви, разума, ставят проблемы свободы личности. На рубеже XIX – XX вв. руссоизм в татарской литературе формируется в специфическое явление, воспринимающееся и как система общественно-эстетических взглядов, и как одно из течений романтизма. Р.А. Мингазова подмечает: «В татарской литературе изображение человека в единстве с природой посредством руссоистско-романтического пейзажа становится одним из ведущих творческих принципов. Руссоизм, будучи в конце XIX – начале XX в. в русской литературе модернистским стилевым течением, в татарской становится тем новаторским движением, которое было призвано “обновить кровь” национальной словесности» [6, с. 11]. Исследователь наглядно показывает, как руссоистские идеи проявились в творчестве Г. Ибрагимова, который, по словам Р.К. Ганиевой, «будучи энциклопедически одарённым писателем, вбирал научные знания и художественный опыт всюду» (цит. по [6, с. 11]). Он воспринял Ж.-Ж. Руссо через переводы произведений западноевропейских авторов посредством литературы новой турецкой (А. Мидхад, Р. Акрам, Г. Хамид, Н. Кемаль, Г. Зия) и русской (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой).

В целом татарская литература на протяжении XII – XVIII вв. развивается в русле просветительского реализма. Некоторые её черты типологически сходны с русским и западноевропейским классицизмом и сентиментализмом. Татарские писатели, как уже было отмечено выше, горячо отстаивали идеи Просвещения, ратуя за европеизацию и выступая против косности и застоя в жизни своей нации. Их эстетическим идеалом является образ деятельного, мыслящего, совершенного человека. Это направление движения нашло отражение и в смене

жанров. Дидактической поэзии и религиозные поэмы во второй половине XIX – начале XX в. сменяют рассказы, повести, романы, драмы, комедии.

М.Н. Муравьёва и Р. Фахрутдинова объединяет также стремление усовершенствовать преподавание в учебных заведениях. Оба внесли существенный вклад в развитие образовательной системы.

Известно, что в 1785 г. М.Н. Муравьёв начал обучать русскому языку, истории и нравственной философии внуков Екатерины II – великих князей Александра и Константина, позже – в период правления Александра I – назначен товарищем министра народного просвещения (1802) и попечителем Московского университета (1803). Он подготовил первый университетский устав, в котором провозглашён ведущий принцип – содружество преподавания, обучения и научного исследования. Его стараниями в практику преподавания вводятся публичные лекции, приглашаются ведущие европейские профессора, увеличивается количество командировок для выпускников альма-матер. Более того, Муравьёв добивается не только перевода на русский язык учебников по всем специальностям, но и создания таковых отечественными служителями науки. В конечном итоге все эти новации стали традициями, которые сохраняются до наших дней, а в стенах Московского университета была создана модель российского университетского образования.

Р. Фахретдинов в 1869–1889 гг. учился и преподавал в медресе. Он считал педагогику одной из главнейших наук, коль скоро «она изучает методы обучения и воспитания учащихся» (ФБ, с. 100). Вместо схоластического механического заучивания наизусть больших текстов ему импонировало более сознательное их восприятие: «Изученное на одном уроке заставлял учеников пересказывать на следующем и разъяснять смысл прочитанного. Скоро выяснилось, что это очень полезное правило» (ФБ, с. 101). В результате ученики Фахретдинова легко сдавали экзамены в Духовном управлении мусульман.

Высоко оценивая роль учителя в образовании, Р. Фахретдинов между тем призывает постоянно пополнять свои знания путём самообразования: «Я активно занялся изучением таких предметов, как история, география, мусульманское право, тафсир, хадис. Всё это изучал я с большим желанием, самостоятельно, у себя дома, за своим столом. <...> В то же время, чем тратить время с преподавателем, плохо справляющимся со своими обязанностями, лучше умелому человеку самому совершенствовать свои знания» (ФБ, с. 106–107).

В книге, посвящённой девятому разделу из нравственного учения ислама, Р. Фахретдинов формулирует 13 правил-требований к учителю-наставнику в медресе. Самые важные среди них:

- 1) высокая нравственность и духовность, сила собственного примера в обучении, неразрывно связанного с воспитанием;
- 2) эрудиция, глубокие знания предмета преподавания;
- 3) милосердие, умение расположить к себе;
- 4) педантичность, проводить занятия строго в одно и то же специально выделенное время (подробнее см. ФА).

Немаловажно то, что он призывает уважать личность учеников, быть строгим, но справедливым к их поступкам. Учитель должен совершенствовать свои умения, то есть овладеть методикой преподавания предметов, говоря современным

языком. Он должен передавать не только знания, но и развивать нравственные и умственные качества учеников, прививать любовь к Богу, умение общаться, взаимодействуя с окружающими.

Наконец, обращает внимание Р. Фахретдинов и на речевое мастерство. По его мнению, учитель-наставник должен сам хорошо владеть устной и письменной речью, обладать красивым почерком, вести записи, чтобы потом при случае воспользоваться ими (ФА, б. 144).

Возвращаясь к М.Н. Муравьеву, заметим, что в своих сочинениях, будь то курсы-беседы, адресованные преуспевающим ученикам (например, «Тетрадь для сочинений» (МТС), «Разговоры мёртвых» (МРМ), «Опыты истории» (МО1), «Эпохи Российской империи» (МЭ), «Письма молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России» (МПМ), «Опыты истории, письмен и нравоучения» (МО2)), или художественные произведения («Доброе дитя» (МДД), «Эмилиевы письма» (МЭП), «Обитатель предместья» (МОП), «Дщицы для записывания» (МД) и др.), он излагает мысли об образовании и воспитании, о межличностных отношениях в семье и обществе, которые выходят далеко за пределы сугубо учебного значения.

«Нет ничего похвальнее в молодом человеке, как сия благородная склонность, которая побуждает его приобретать новые знания и, совершенствуя размышления, упреждать тот возраст, который сделает его участником в важных упражнениях гражданской жизни», – пишет М.Н. Муравьев (МПМ, с. 341). Среди его основных педагогических идей можно назвать культ добродетели, а также глубокое убеждение в облагораживающем воздействии красоты на формирование личности человека. Н.Д. Кочеткова считает, что тезис М.Н. Муравьева о нравственном воздействии красоты был новым и важным для эстетики XVIII в. [7, с. 140]. Идея о внесловной ценности человека и о воспитании Добродетели в нём пронизывает все произведения этого писателя-философа. Так, анализируя мелодраматическую поэтику комической оперы М.Н. Муравьева «Добрый барин», А.Н. Пашкуров отмечает: «Полижанровая природа русской драматургии последней трети XVIII – начала XIX веков – одно из характерных проявлений новых закономерностей в историко-литературном процессе. Взаимопроникают и синтезируются друг с другом в пьесах русских авторов приметы “высокой комедии” и “высокой трагедии”, “слёзной драмы” и водевиля, комической оперы и мелодрамы. В ситуации русской литературной культуры диалог осложняется ещё и переосмыслением – вхождением в ткань пьес подобного профиля высокой просветительской идеологии, с характерными представлениями о внесловной ценности личности и воспитании Добродетели в человеке...» [8, с. 1024].

В упомянутой нами выше «Тетради для сочинений», примыкающей к «Эмилевым письмам», представлены короткие рассказы-притчи, раскрывающие тот или иной нравственно-эстетический постулат. Весьма показательны их названия: «Вольность», «Общество добрых людей», «Домашнее благополучие», «Пример государя», «Полезность законов и мира» и др. Например, в главе «Предложение» приводится следующий тезис:

Ежели не можно приблизиться смертным к самой бескорыстной добродетели: пускай благородныя души научатся справедливым образом удивляться подвигам, честь или пользу человечеству доставляющим; пускай посвятят они жизнь свою похвальным трудам; пускай от самой младости боятся очарований лености и пагубной роскоши. Праздность должна быть только отдохновением от трудов; никогда – состоянием жизни. Роскошь бездейственной жизни обращается в несносную скуку, когда не достает внутреннего свидетельства совести – сладчайшей награды добродетели! (МТС, с. 198).

Вслед за М.В. Ивановым следует отметить, что в художественном мире М.Н. Муравьёва, как и позже в творчестве А.С. Пушкина, сентиментальная модель стала «элементом философского осмысления жизни» [9, с. 175]. Это особенно явно в прозе. Так, в «Обитателе предместья», «Эмилиевых письмах», «Дщице для записывания» своё воплощение находит идеал не только сентиментальный (выбор жизни в гармонии с природой), но и просветительский (гражданин на службе Отечества, наделённый чувствительным сердцем¹). Писатель ставит вопросы духовности и веры, обозначая отношение к семье, друзьям, чтению...

Понятия «добродетель» и «красота» в нравственно-эстетическом мировидении М.Н. Муравьёва тесно переплетаются с преклонением перед женщиной. На это указывает в одной из своих статей А.Н. Пашкуров: «Постижение Красоты как смысла Счастья наступает лишь тогда, когда внешний, “физический” облик вообще начинает “растворяться в памяти”, забывается – тогда и проявляется, и остаётся навеки Главное: “Все черты твои прекрасны”, но “...лучше сердце их”; “Удивленье наше данью Добродетелям твоим...”» [10, с. 969].

Это частное замечание исследователя, анализирующего эпиталамические мотивы в поэзии М.Н. Муравьёва, справедливо также для других, в частности учебно-дидактических, сочинений русского писателя. Например, в «Тетради для сочинений» (глава «Домашнее благополучие») рисуется семейная идиллия, когда главный герой Алварес, разочаровавшись в честолюбивых юношеских мечтах о воинской славе, устремляется домой:

Возвратясь в недра отечества, в объятия родителя и нежной матери, он успокоил сердце свое сладостными чувствованиями дружбы и природы. Добродетельная супруга, дети, полные надежды, довершили благополучие его. Сельская хижина, рощица, приятная долина не оставляли ему ничего желать более. Музы посещали обитель его. Стройная цитара издавала под перстами его пленяющие согласия. На ней воспевал он незлобие златого века, когда равенство царствовало между человеками, учреждения обществ, земледелие, первое из искусств, и позорища опечаливающей брани (МТС, с. 179).

Л. Росси в своих работах «Сентиментальная проза М.Н. Муравьёва (Новые материалы)» [11] и «Педагогическая проза М.Н. Муравьёва и традиции фран-

¹ «Всечасное его [любезного Эмилия] желание было жить и умереть для пользы отечества» (МЭП, с. 110).

цузского Просвещения» [12] делает интересные выводы, базируясь на изучении опубликованных и неопубликованных сочинений писателя:

- «...муравьевская воспитательная проза вся состоит из “фрагментов”, из маленьких, самих по себе не очень значительных “единиц”» [11, с. 129];

- «для воспитательных целей писателя особенно принципиальное значение имел тот факт, что в процессе циклизации должен был принимать участие сам ученик, узнавая действующих лиц и вспоминая связанное с ними нравоучительное правило. Процесс происходил только в сознании читателя, но это ещё более способствовало его проникновению в предлагаемые ему нравственные истины или принципы “вкуса”» [11, с. 129].

Следует согласиться с тем, что «найденный писателем механизм действует и на современного читателя, и если задуматься, переходя от отдельного письма к серии писем, от одной серии к трилогии, от неё ко всему комплексу повествовательной и драматической прозы Муравьева 1790-х годов, мы находим, что, по сути дела, она представляет собой один роман, гораздо глубже и интереснее, чем любая из его составляющих частей, потому что он бесконечен, как и сама жизнь» [11, с. 130].

Просветители большое место в жизни человека отводили семье, которая создаёт условия для формирования его личности. Что касается русских писателей XVIII в., то они в своих произведениях являют идеальный образ просвещённой семьи с уважительным отношением к женщине, вопреки существующим в обществе традициям создавая культ семьи и культ просвещённой женщины.

В «Эпистоле к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу», как было отмечено ранее в наших работах (см. [13, 14]), М.Н. Муравьев впервые в русской литературе возникает образ Дома, Семьи как ценностей, которые достойны служению истинного гражданина, будучи добродетелью (МС1). Его идеалом является тот, кто:

Без гордости велик и важен без чинов,
Для пользы общие всегда служить готов;
Он чествует родства священные союзы
И, чтоб свободным быть, приемлет легки узы.
Внимательный супруг и любящий отец,
Он властью облечён по выбору сердец;
Счастлив, кто может быть семейства благодетель
Что нужды, дом тому иль целый мир свидетель.
Таков Эмилий Павл равно достоин хвал,
Кто жил в семье своей иль как при Каннах пал (МС1, с. 114).

М.Н. Муравьев приравнивает по заслугам героя государственного деятеля и добродетельного человека, который верно служит своим близким, своей семье. Таким образом, образ Дома приобретает значение «места служения» (наравне с государством, обществом).

Этот образ в его стихотворениях часто возникает как антитеза неудовлетворяющей лирического героя действительности:

Так упоён своим я счастьем,
 Что жить могу в семье своей, –
 Доволен сердца беспристрастьем
 К сиянию света и честей.
 Живу простой природы в лоне,
 Простой, но полной красоты,
 В естественном моральном тоне
 И забываю суеты (МС2, с. 149).

Помимо прочего, в ряде лирических произведений М.Н. Муравьёва (например, «К Феоне» (МС3), «Присвоение сей книги Феодосье Никитишне» (МС4), «Письмо к Феоне» (МС5)) предстаёт идеализированный образ сестры – эталона нравственности, доброго друга и мудрой собеседницы:

Сестра, предмет моих стихов,
 Предмет нежнейшего союза,
 Природы драгоценный дар!
 <...>
 Меня в сем замке удостой,
 В сем замке, или просто мызе,
 Меж ревельских и нарвских стен,
 Где я последую Елизе,
 Семьей почтенной угощён.
 Меж тем как сна ленивы маки... (МС3, с. 179).

Или:

О ты, в которой чту я лучший дар небес,
 Чья чистая душа, душе моей ближайша,
 Мне держит общество и радостей и слез (МС4).

Или:

Прекрасный образ твой из сердца исчезает;
 Понятий, склонностей и чувствий страж моих,
 Из сердца моего я зрел бегущих их.
 Со добродетелью они лишь обитают.
 Со добродетелью и музы отлетают!
 <...>
 Надежда, слабый друг несчастливых людей,
 Забвенной хижины переходит праг моей.
 Но дружба, но родство, как ты их ощущаешь,
 Бесценны нежности, ты кои их ощущаешь,
 Не отвращаются несчастного оне.
 Пристрастия свои присвоила ты мне.
 В отсутствии со мной, заемлешься ты мною;
 Ты мыслишь о Неве над волжскою волною;
 И, с нежным целый день родителем деля,
 Тьмой маленьких услуг дух отчий веселя,
 Не забываешь ты отсутственного брата,
 Желает каждый день его к себе возврата;
 В дышащих нежною душой твоих листах
 Ты пишешь мне мой долг – ах! во твоих устах

Все добродетели спасительной уроки!
Приди – и не дерзнут приблизиться пороки (МС5).

Феона в посланиях М.Н. Муравьёва выступает и в роли гостеприимной хозяйки (см., к примеру, «Итак, опять убежище готово...») (МС6).

Тема семьи, роли в ней женщины – жены и матери, её воспитания активно ставится на рубеже XIX – XX вв. также в произведениях татарских писателей. Р. Фахретдинова можно назвать одним из тех просветителей, кто касается проблемы женской эмансипации. Свой взгляд на взаимоотношения в семье и смежные вопросы он представил в таких этико-дидактических сочинениях, как, например, «Благонравие. Правила обучения»² (ФА), «Семья» (ФС), «Воспитанная мать» (ФВМ), «Воспитанная жена» (ФВЖ). Однако важнейшее место в наследии Р. Фахретдинова занимает многотомная историко-библиографическая книга «Асар», посвящённая жизни и творчеству учёных, деятелей культуры и просвещения народов Востока (ФП).

Р. Фахретдинов уверен, что ребёнок с рождения нуждается в правильной материнской школе. Для того чтобы он стал полезной для общества личностью, недостаточно только любви и ухода. Мать должна сначала сама получить высоко нравственное воспитание, а кроме того, ей надлежит обладать достаточными знаниями, иметь широкий кругозор, то есть быть образованной.

Эти мысли писателем-просветителем изложены также в художественной форме. Идеал татарской просвещённой женщины Р. Фахретдинов являет, например, в образе Салимы (см. ФЦ). Девушка знает несколько восточных и европейских языков, умеет вести беседы на нравственно-эстетические темы, благодаря своим глубоким знаниям светских и религиозных наук. По его мнению, полученное в традициях мусульманской культуры воспитание и высокая нравственность – залог счастливого замужества, уважения и любви супруга, таких же разносторонне образованных и хорошо воспитанных детей.

Д.Г. Гимранова в своём диссертационном исследовании убедительно доказывает, что Р. Фахретдинов, подобно Г. Ильяси, Ф. Халиди, М. Акъегету, З. Бигиеву, данную проблему рассматривает прежде всего как вопрос свободы личности. В его историко-энциклопедических, теологических, педагогических, особенно литературных трудах женщина – эталон высокой нравственности, воспитанности и образованности. Героини произведений «Салима, или Целомудрие» и «Асма, или Деяния и кара» решают жизненно важные проблемы общества: «овладение наукой, изучение русского языка, осознание необходимости служения народу», фактически становясь «матерями нации» [15, с. 8].

Заметим, что у татар до начала XX в. женщина полностью находилась во власти мужчины – отца или супруга (только он обладал правом на развод), да и произведений на обозначенные выше темы было крайне мало.

Семье Р. Фахретдинов отводит одну из значительных ролей в обществе как основе благосостояния нации, называя «маленьким государством» (ФС, б. 19). Обращаясь к своим соплеменникам, он пишет: «Знание законов построения семьи, путей подчинения им своих жизней для нас, мусульман, наверное, самое

² Здесь и далее перевод с татарского языка на русский наш. – А.Г., Ф.Г.

важное дело, потому что если семейная жизнь не упорядочена, то ни одна нация, какой бы великой она не была, на этом свете не сохранится» (ФС, б. 19).

Более того, воспитание женщины, её положение в обществе являются, согласно Фахретдинову, показателем благополучия всей нации: «Если женщина воспитанная, то и нация воспитанная; если женщины не воспитаны, то и нация не воспитана; нация, в которой женщины трудолюбивы и инициативны, богатая, процветает, а если женщины ленивы и бездеятельны, то и нация бедствует» (ФС, б. 22).

«Жена – не прислуга, – подчёркивается в одном из его трудов, – а скорее всего основа семьи. И в этих словах нет преувеличения! Если муж – глава семьи, то жена, находясь во власти главы семьи, является её основой и опорой, а также управляющей семьёй. В этом смысле мы можем называть женщину семьёй» (ФС, б. 22). Далее Р. Фахретдинов называет качества идеальной жены: «Идеальная жена – это неисчерпаемое сокровище своего мужа, каждое святое дело ей поручается с великим доверием. Идеальная жена – верная спутница в жизненном пути мужа, утешительница в житейских хлопотах, надёжная опора в трудностях. Идеальная жена будет бережно хранить и преумножать состояние мужа. Жена, как охранительное войско, будет прилагать все усилия, чтобы погасить горе и несчастья мужа. Зачастую жена, сберегая какие-то вещи, никому не показывая, собрав много ли, мало ли средств, чтобы в нужный момент помочь своему мужу и тем порадовать его» (ФС, б. 22).

Как известно, татарский писатель-просветитель очень любил путешествовать по России, в том числе речным транспортом, поэтому у него при характеристике нередко возникает вполне определённая и демонстрирующая технические познания автора метафора: «Мы сказали, что жена – опора семьи. Если сравнить семью с кораблём, то, несомненно, жену можно будет сравнить с кормой корабля. Как ход огромных кораблей подчиняется управлению кормы, её сопротивлению движению волны, так семейное государство подчиняется деятельности жены. Однако если корма подчиняется командам капитана, то женщина подчиняется своему правильному воспитанию» (ФС, б. 22).

Р. Фахретдинов понимал воспитание широко, включая в его содержание применительно к женщинам нравственный и религиозный компоненты, овладение элементарными знаниями в различных научных областях, а также навыки рукоделия и воспитания детей. Так, одним из важнейших качеств выступает умение создавать гармонию в семье: «Воспитанная жена своим кротким и доброжелательным поведением осчастлиливает отца и мать, мужа и детей – одним словом, всю семью, а также тех, кто близко соприкасается с этой семьёй: соседей и прислугу. Она будет радовать окружающих своей приветливостью и тем самым сама будет счастлива» (ФС, б. 23).

«Без нравственности, то есть без кроткого нрава, бессмысленно древо познания. Это каждому известно», – замечает Р. Фахретдинов (ФС, б. 24). При этом он резко критикует тех, кто считает, что женщине не нужны знания, их не следует обучать наукам. Для большей убедительности используются яркие метафорические образы. В частности, автор живописует: если женщины-матери,

призванные воспитывать и обучать своих детей, будущее нации, не будут владеть элементарными научными и религиозно-нравственными знаниями, то такие женщины воспитают потомков, которых «по силе вреда, оказанного ими нации, можно сравнить с микробами, что по своей разрушительной силе, страшнее даже микробов чумы» (ФС, б. 25). Дети, воспитанные невежественными матерями, как полагает татарский писатель-просветитель, даже поступая в учебные заведения, оказываются неспособными к овладению знаниями.

Следует сказать, что Р. Фахретдинов высоко ставит основное предназначение женщины: «Мать – это великая честь, не сравнимая ни с какими богатствами и почестями!» (ФС, б. 27). Он убеждён, что ребёнка следует воспитывать в строгости, но не в страхе: «Справедливые замечания и задания родителей ребёнок должен выполнять не из-за страха наказания, а из чувства любви и уважения к своим родителям» (ФС, б. 28).

Татарский педагог и писатель-просветитель пытается разными способами убедить в необходимости уважительного и бережного отношения к женщине, хотя больше уделяет внимание ролям дочери, жены, матери, не выходя на общественно полезную деятельность. Однако эту сторону жизни он не обходит. По замечанию Д.Г. Гимрановой, в очерк «Знаменитые женщины» собраны сведения из биографий мусульманок, в большей или меньшей степени послуживших религии знаниями или богатством. В заголовке рукописного варианта этого произведения Р. Фахретдиновым перечисляются главные достоинства, принёсшие героиням известность: *хадисоведы, богословы, писатели, поэтессы, благочестивые наставницы и проповедницы, мусульманки Булгара, Казани, богатырки, лекари, путешественницы и паломницы* [15, с. 17–18].

Образование для женщины, в том числе приобщение к книге, которая «в уединении собеседник, в одиночестве друг, развеет печаль, осветит душу» (ФС, б. 45), – необходимость современного общества, но оно нужно и потому, полагает Р. Фахретдинов, что в 5–6 лет дети начинают задавать множество вопросов. На них надо отвечать не только терпеливо, но и обстоятельно, ведь если до школы в детских душах будут посеяны правильные семена знаний, то впоследствии можно получить благотворные плоды. «Дети должны, – пишет он, – получить первые сведения о пользе и опасностях, связанных с домашними и дикими животными, знать, из чего делается бумага, о смене дня и ночи и др.» (ФС, б. 32). Кроме того, «грамотная женщина дома будет самостоятельно читать различные полезные записи, художественные произведения, изучать историю, географию; будет вести записи различных важных для семьи и для себя событий, во время путешествий (командировок) мужа будет вести с ним переписку сама, ей не придётся ходить к чужим людям и разглашать семейные тайны. Она будет с достоинством воспринимать мысли учёных и писателей. Какой бы муж не был великий учёный, она будет достойной ему спутницей в путешествии по жизненному морю» (ФС, б. 44). Вместе с тем в трудах Р. Фахретдинова звучит предостережение: «Чтение для женщины очень полезно. Пожалуй, выбор книги для чтения такое же трудное занятие, как выбор друга. Однако некоторые книги могут принести такой вред, как неверные спутники» (ФС, б. 45).

Итак, и русские, и татарские писатели-просветители пропагандировали идеи образования и воспитания, женской эмансипации, выступали за внесловную ценность человека. Однако если М.Н. Муравьев, один из родоначальников сентиментализма в России, предтеча предромантизма, мыслит исходя из идей государственности, опираясь на опыт воспитания царской семьи, то Р. Фахретдинов – на уровне духовно-нравственного и религиозного воспитания татарского народа, взаимоотношений внутри национальной семьи. К сожалению, творческое наследие и того, и другого до сих пор остаётся неизвестным широкому кругу читателей. Между тем осуществлённая в конце XX в. публикация-транслитерация работ Р. Фахретдинова позволяет нам сегодня включить в общенаучный и общекультурный процесс педагогические и философские мысли татарского писателя-просветителя конца XIX – начала XX в.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160016 р/а.

Источники

- МД – *Муравьев М.Н.* Дщицы для записывания // Утренний свет. – 1778. – Ч. IV. – С. 368–378.
- МДД – *Муравьев М.Н.* Доброе дитя: (драм. сказочка). – СПб.: В Имп. тип., 1789. – 16 с.
- МО1 – *Муравьев М.Н.* Опыты истории // Муравьев М.Н. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 275–329.
- МО2 – *Муравьев М.Н.* Опыты истории, письмен и нравоучения. – СПб.: В Имп. тип., 1796. – 154 с.
- МОП – *Муравьев М.Н.* Обитатель предместья // Муравьев М.Н. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 71–109.
- МПИМ – *Муравьев М.Н.* Письма молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России // Муравьев М.Н. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 341–402.
- МРМ – *Муравьев М.Н.* Разговоры мёртвых // Муравьев М.Н. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 227–274.
- МС1 – *Муравьев М.Н.* Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 114–116.
- МС2 – *Муравьев М.Н.* «С брегов величественной Волги...» // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 149.
- МС3 – *Муравьев М.Н.* К Феоне // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 179–182.
- МС4 – *Муравьев М.Н.* Присвоение сей книги Феодосье Никитишне // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 196.
- МС5 – *Муравьев М.Н.* Письмо к Феоне // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 208–209.
- МС6 – *Муравьев М.Н.* «Итак, опять убежище готово...» // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 199–202.

- МТС – *Муравьев М.Н.* Тетрадь для сочинений // *Муравьев М.Н.* Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 164–198.
- МЭ – *Муравьев М.Н.* Эпохи Российской империи // *Муравьев М.Н.* Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 330–340.
- МЭП – *Муравьев М.Н.* Эмилиевы письма // *Муравьев М.Н.* Сочинения: в 2 т. – СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. – Т. 1. – С. 110–163.
- ФА – *Фәхрәддин Р.* Адабе тәгълим. Укыту кагыйдәләре: гыйлем әхлактан тугызынчы кисәк. – Казан: Академия познания, 2006. – 167 б.
- ФБ – *Фәхрәддинов Р.* Моя биография // *Фәхрәддин Р.* Фәнни-биографик җыентык. – Казан: Рухият, 1999. – С. 81–110.
- ФС – *Фәхрәддин Р.* Гаилә // *Фәхрәддин Р.* Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. – Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – Б. 19–89.
- ФВМ – *Фәхрәддин Р.* Тәрбияле ана // *Фәхрәддин Р.* Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. – Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – Б. 90–96.
- ФВЖ – *Фәхрәддин Р.* Тәрбияле хатын // *Фәхрәддин Р.* Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. – Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – Б. 97–120.
- ФП – *Фәхрәддинов Р.* Асар: в 4 т. – Казан: Рухият, 2006–2010.
- ФЦ – *Фәхрәддин Р.* Сәлимә, яки Гыйффәт // Татар мәгърифәтчелек әдәбияты (1860–1905) – Казан: Тат. кит. нәшр., 1976. – Б. 264–311.

Литература

1. *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль: (Социальная природа и основные проблемы). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1976. – 319 с.
2. *Юзеев А.Н.* Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. – 192 с.
3. *Гайнутдинов М.В.* Ш. Марджани и татарская литература // Марджани: учёный, мыслитель, просветитель: Сб. ст. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – С. 173–180.
4. *Рәми И.* Мәдрәсәдән – университетка // Казан утлары. – 1966. – № 3. – С. 134–137.
5. *Нигматуллин Э.Г.* Раздвигая века и границы: К вопросу о связях татар. лит. первой трети XX в. с лит. Зап. Европы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. – 136 с.
6. *Мингазова Р.А.* Руссоистические традиции в творчестве Галимджана Ибрагимова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 26 с.
7. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: (Эстет. и худож. искания). – СПб.: Наука, 1994. – 281 с.
8. *Паикуров А.Н.* Мелодраматическая поэтика в пьесе М.Н. Муравьева «Добрый барин» // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2012. – Т. 14, № 2. – С. 1024–1026.
9. *Иванов М.В.* Судьба русского сентиментализма. – СПб.: Эйдос, 1996. – 336 с.
10. *Паикуров А.Н.* Эпиталамические мотивы в поэзии М.Н. Муравьева (к постановке проблемы) // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 1. – С. 967–971.
11. *Росси Л.* Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век: Сб. ст. – СПб.: Наука, 1995. – Вып. 19. – С. 114–146.
12. *Росси Л.* Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиции французского Просвещения // Муравьев и его время: Сб. ст. и материалов V Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 25–26 апр. 2015 г.). – Казань: Школа, 2015. – С. 9–14.

13. *Галимуллина А.Ф.* Образ Дома в поэзии Г.Р. Державина и М.Н. Муравьёва // М.Н.Муравьёв и его время: Сб. ст. и материалов круглого стола, состоявшегося в рамках V Республ. науч.-практ. конф. «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвящ. памяти Т.А. Геллер (Казань, 23–26 янв. 2008 г.). – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – Вып. 5, ч. 2. – URL: <http://old.kpfu.ru/f10/publications/2008/galimullina.pdf>, свободный.
14. *Галимуллина А.Ф.* Образ Дома в поэзии М.Н. Муравьёва: синтез художественного и документального (к проблеме формирования представлений о литературных традициях XVIII века у студентов национальных отделений педагогических специальностей) // *Филология и культура*. – 2012. – № 3. – С. 251–254.
15. *Гимранова Д.Г.* Проблема женщин в литературных трудах Ризаэддина Фахреддина («Салима, или Целомудрие», «Асма, или Деяния и кара»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 14 с.

Поступила в редакцию
21.11.17

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Галимуллин Фоат Галимуллинович, доктор филологических наук, профессор кафедры татарской филологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 129–144

**The Theme of Upbringing and Education
in M.N. Muravyov and R. Fakhretdinov's Works**

A.F. Galimullina^{*}, *F.G. Galimullin*^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}alfiya_gali1000@mail.ru, ^{**}Foat.Galimullin@kpfu.ru

Received November 21, 2017

Abstract

The theme of education has been actively developed in Russian and Tatar literatures from the ancient times to the present day. Special attention has been paid to Russian and Tatar writers of the 18th – early 20th centuries. This is primarily due to the spread of the enlightenment ideology in Russia. In Russian literature, these ideas were actively used by writers of the 18th century. In Tatar literature, this period covers the late 19th – early 20th centuries. The unity of themes in the philosophical, pedagogical, and artistic works allows to detect typological similarities and differences in the artistic understanding of Russian and Tatar enlightening writers of different literatures, periods and literary trends. In this paper, we have considered the artistic expression of the theme of upbringing and education in the works of M.N. Muravyov (1757–1807), the Russian sentimentalist writer, and R. Fakhretdinov (1859–1936), the Tatar enlightening writer.

M.N. Muravyov, a striking and unique representative of Russian education, actively developed ideas of education in his enlightening writings, letters, and art works of various genres (poetry, prose, and drama). M.N. Muravyov expressed his opinions about education, about interpersonal relationships in the family and society, which went far beyond its narrowly academic significance.

In the late 19th – early 20th centuries, R. Fakhretdinov published a number of ethico-didactic books, expressing his opinion on parenting and family relationships.

Keywords: M.N. Muravyov, R. Fakhretdinov, education, educational literature, Russian literature of 18th century, Tatar literature

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Tatarstan as part of the research project no. 18-412-160016 r/a.

References

1. Abdullin Ya.G. *Tatarskaya prosvetitel'skaya mysl': (Sotsial'naya priroda i osnovnye problemy)* [Tatar Educational Thought: (Social Nature and Main Problems)]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1976. 319 p. (In Russian)
2. Yuzeev A.N. *Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII – XIX vekov* [Tatar Philosophical Thought of the Late 18th – 19th Centuries]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2001. 192 p. (In Russian)
3. Ganutdinov M.V. Marjani and Tatar literature. In: *Mardzhani: uchenyi, myslitel', prosvetitel'* [Mardzhani: Scientist, Thinker, Educator]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1990, pp. 173–180. (In Russian)
4. Remi I. Medreseden – university student. *Kazan Utlary*, 1966, no. 3, pp. 134–137. (In Russian)
5. Nigmatullin E.G. *Razdvigaya veka i granitsy: K voprosu o svyazyakh tatar. lit. pervoi treti XX v. s lit. Zap. Evropy* [Erasing Centuries and Boundaries: On the Issue of relations of the Tatar Literature of the First Third of the 20th Century with the Literature of Western Europe]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1997. 136 p. (In Russian)
6. Mingazova R.A. Rousseau's traditions in the works of Galimdzhan Ibragimov. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 2009. 26 p. (In Russian)
7. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma: (Estet. i khudozh. iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism: (Esthetical and Artistic Findings)]. St. Petersburg, Nauka, 1994. 281 p. (In Russian)
8. Pashkurov A.N. Melodramatic poetics in comic opera “Kind Barin” by M.N. Muraviev. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN*, 2012, vol. 14, no. 2, pp. 1024–1026. (In Russian)
9. Ivanov M.V. *Sud'ba russkogo sentimentalizma* [The Fate of Russian Sentimentalism]. St. Petersburg, Eidos, 1996. 336 p. (In Russian)
10. Pashkurov A.N. Epithalamic motives in the poetry of M.N. Muraviev (on challenge problem). *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN*, 2015, vol. 17, no. 1, pp. 967–971. (In Russian)
11. Rossi L. Sentimental prose by M.N. Muravyov (New data). In: *XVIII vek* [18th Century]. St. Petersburg, 1995, no. 19, pp. 114–146. (In Russian)
12. Rossi L. Pedagogical prose by M.N. Muravyov and traditions of the French Enlightenment. *Murav'ev i ego vremya: Sb. st. i materialov V Vseros. nauch.-prakt. konf. (Kazan, 25-26 apr. 2015 g.)* [Muravyev and Its Time: Proc. V All-Russ. Sci.-Pract. Conf. (Kazan, Apr. 25-26, 2015)]. Kazan, Shkola, 2015, pp. 9–14. (In Russian)
13. Galimullina A.F. The image of home in the poetry of G.R. Derzhavin and M.N. Muravyev. *M.N. Murav'ev i ego vremya: Sb. st. i materialov kruglogo stola, sostoyavshegosya v ramkakh V Respubl. nauch.-prakt. konf. “Literaturovedenie i estetika v XXI veke” (“Tat'yanin den”), posvyashch. pamyati T.A. Geller (Kazan', 23-26 yanv. 2008 g.)* [M.N. Muravyev and His Time: Proc. V Repub. Sci.-Pract. Conf. “Literary Studies and Aesthetics in the 21st Century” (“Tatiana Day”) Devoted to T.A. Geller (Kazan, Jan. 23-26, 2008)]. Kazan, RITs “Shkola”, 2008, no. 5, pt. 2. Available at: <http://old.kpfu.ru/fl0/publications/2008/galimullina.pdf>. (In Russian)
14. Galimullina A.F. The image of home in the poetry of M.N. Muravyev: The meeting point of fiction and non-fiction (on the issue of developing the idea of 18th century literary traditions in students of the national pedagogical departments). *Filologiya i Kul'tura*, 2012, no. 3, pp. 251–254. (In Russian)

15. Girmanova D.G. The problem of women in the literary works by Rizaeddin Fakhreddin (“Salima or Chastity”, “Asma or Doings and the Punishment”). *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Kazan*, 2011. 14 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Галимуллина А.Ф., Галимуллин Ф.Г. Тема воспитания и образования в творчестве М.Н. Муравьева и Р. Фахретдинова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 129–144. ⟩

⟨ **For citation:** Galimullina A.F., Galimullin F.G. The theme of upbringing and education in M.N. Muravyov and R. Fakhretdinov’s works. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 129–144. (In Russian) ⟩